



Лена Коваленко

Якорь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виноватые

Лена Коваленко

Якорь

«Автор»

2026

Коваленко Л.

Якорь / Л. Коваленко — «Автор», 2026 — (Виноватые)

Вторая книга серии «Виноватые». Авария стала точкой невозврата. Из пепла аварии рождается новая Ксюша. Больше никакой «Стервы Владимировны»: теперь она просто женщина, которая учится ходить заново — не только физически, но и душевно. Костя терзается чувством вины. Он застрял между долгом и желанием быть свободным, между привычным миром и зовом сердца. Всё меняется, когда Ксюша выбирает себя, а Костя выбирает Ксюшу. Смогут ли они шагнуть навстречу друг другу и себе? Смогут ли собрать осколки прошлого в узор новой жизни? Непростая история о любви, трансформации и смелости быть собой. Читайте, чтобы узнать, смогут ли Ксюша и Костя обрести своё «долго и счастливо»!

P.S. Якорь — приём в психологии. Это стимул, который вызывает у человека определённую реакцию: эмоцию или состояние. НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

© Коваленко Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Еда и тошнота	6
Глава 2. Прощение или прощание?	9
Глава 3. А где вина?	13
Глава 4. Перевари!	16
Глава 5. Запечатление	20
Глава 6. Репринтинг	23
Глава 7. Озарение	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лена Коваленко

Якорь

Пролог

Музыка: «Пока мы молоды» (Герои)

Ксения

С момента аварии прошёл год.

Еду на пассажирском сиденье такси. У водителя играет радио. Подпеваю дерзким молодым голосам:

*А жизнь не кончится завтра,
Она у нас будет длинной,
Но ты успевай всё сказать мне,
Пока мы молоды...
Пока мы любимы...*

Смахиваю непрощенные слёзы с глаз. За эти месяцы я слишком много рыдала. Вставая на ноги, восстанавливалась, сцепив зубы. Я делала многое через боль, слёзы и сопли.

Обещаю себе, что вот это последние слёзы.

Жизнь преподнесла мне отличный урок. Наказала за излишнее доверие, наивность, жестокость и глупость. Урок усвоен. Мне стоит многое пересмотреть и начать жизнь сначала.

В конце концов, у меня есть деньги и жизнь.

Я ещё вполне молода, ну а любовь... Дай бог, придёт когда-нибудь.

Пока же у меня грандиозные планы: научиться водить авто на автомате. Комиссия дала добро, и я загорелась этой мыслью.

Отремонтировать бабушкин дом.

Наладить там интернет.

Освоиться на рынке фриланса.

Наслаждаться жизнью...

Звучит всё грандиозно, вот только горькие слёзы всё больше и больше бегут по лицу.

Всё! Это последние!

Важное предупреждение 18+

Произведение содержит сцены и описания деликатного характера: насилие, травмы, употребление алкоголя, табака и наркотиков, а также нецензурную лексику.

Всё изложенное — художественный вымысел. Автор КАТЕГОРИЧЕСКИ не пропагандирует деструктивное поведение, не романтизирует насилие и не призывает к подражанию действиям персонажей. Персонажи и события вымышлены; совпадения случайны.

Мир произведения — альтернативная версия России с собственными особенностями. Поведение и поступки персонажей могут противоречить личным моральным установкам и ожиданиям читателей. Прошу читателей относиться к тексту критически и осознанно, учитывая его художественный характер.

Глава 1. Еда и тошнота

Ксюша

Примерно три с половиной месяца с момента аварии.

— Ксюша! Тебе надо есть! — рычит на меня мой реабилитолог Валентина. — У твоего организма просто нет сил что-либо делать! Конечно, для твоих костей хорошо, что у тебя небольшой вес, но не настолько же! Если не будет еды, ты просто не встанешь!

— Я это прекрасно понимаю, — говорю спокойно. Потому что, правда, понимаю, но ничего поделать не могу. Мой организм отторгает еду. Вот и сейчас я съела вкуснейшие сырники на завтрак, а через пятнадцать минут вернула их этому миру в самом непотребном виде.

— Понимаешь, но не принимаешь, — грустно отвечает Валя. — Что у тебя с психотерапевтом?

Робко улыбаюсь. Да, моя проблема не в работе ЖКТ или инфекции, моя проблема в голове. Среди огромного перечня необходимых лекарств у меня появились антидепрессанты, а в однообразном расписании дня — беседы с психотерапевтом.

— Ну... терапия идёт, — отвечаю размыто. Не знаю, как ответить, что мне не удаётся найти контакт с врачом. Он смотрит на меня профессионально-препарирующим взглядом начальника, и у меня нет никакого желания делиться с ним личным. Хочется, как обычно, спрятаться за маской холодного профессионала, но и это сделать я не могу, потому что больше не тот профессионал.

— Ксю-ша-а-а... — угрожающе тянет Валентина.

Вот с ней у меня хорошие отношения. Несмотря на её грозный вид и периодическое желание взвыть от нагрузок, я не воспринимаю её как угрозу. Она умеет... располагать. Быть строгой, но дружелюбной. Мне не хочется с ней халявить, но и спрятаться в раковину своих обид тоже не тянет.

— Я не могу найти с ним контакт, — наконец сознаюсь. — Он ведёт себя как большой начальник в офисе, у меня на эту тему, похоже, появились какие-то триггеры.

— Пафосный засранец, — вполголоса ругается мой куратор. — Ладно, это не проблема. В конце концов, у нас в центре не один психотерапевт. Сегодняшнюю встречу отменяем, а с четверга будешь работать с другим специалистом.

— Спасибо, — вяло улыбаюсь и отвожу взгляд к окну.

Валентина прощается и уходит к другому пациенту. Нас таких у неё трое: я, молодой парнишка с боевым ранением и очень бойкая бабулечка. Вот у той случай самый простой технически, но из-за возраста — куча сопутствующих проблем. Как и у меня, только я её младше на целую жизнь.

На самом деле я даже понимаю, почему мой организм отказывает мне в еде. Потому что глубоко в подсознании я ненавижу саму себя: за то, что наивная дура; за то, что как специалист оказалась так себе; за то, что не смогла уйти из фирмы достойно; за то, что стала проблемой для Босса.

Он, кстати, появляется у меня в любое свободное время, и это заставляет чувствовать себя ещё хуже. Я не представляю в своей реальности такого, чтобы наш властный Большой Босс, как какой-то мальчишка, бегал в больницу к сотруднице. Хорошо, что мой реабилитационный центр находится в области, и ездить сюда каждый день, как это было, пока я лежала в «Склифе», Орлов не может.

Мне ненавистно его чувство вины. Потому что я сама его виноватым не считаю. Прогнав за последние два месяца в своей голове всё произошедшее, могу сказать однозначно: на месте Орлова я поступила бы так же. Когда на одной чаше весов — репутация компании и возможность поймать за хвост конкурентов, а на другой — рядовой специалист, выбор очевиден.

Если бы я не игнорировала своё самочувствие... Не знаю, приняла бы какие-то лекарства, не попала бы под машину, то мой босс просто переступил бы через эту ситуацию и пошёл дальше.

Мне бы самой было легче так, но... Всё уже случилось. Мне надо с этим жить.

Самое сложное тут — именно отпустить ненависть к себе. Внутреннее отвращение. Я не соврала Валентине, я всё понимаю, но не могу...

Антидепрессанты не дают тонуть в этих мыслях, но и двигаться вперёд я не могу.

Может быть, проблема в том, что я специально игнорирую все мысли о Яше. Может, потому что я не знаю, куда двигаться дальше.

Я очень хочу встать с этой кровати, перестать 24 на 7 пялиться в это осточертевшее окно. Ветки дуба, что растёт напротив, вызывают у меня уже тошноту. Хотя поначалу радовали своей зеленью.

Хочу встать, но не понимаю, куда идти дальше. Чётко знаю, что на работу в офис не вернусь. Работая с полной отдачей для фирмы, я потеряла что-то важное, жизненно важное. Вся эта история — это урок мне. Дальше так нельзя. А как по-другому — я не знаю.

Психотерапевт вчера долго пытался погрузить меня в радостные моменты, но так и не смог. Я честно представляла, как мои ступни тонут в ворсе любимого белого ковра, а я стою и люблюсь видом вечерней Москвы. Прямо прочувствовала этот момент, но не ощутила и сотой доли тех эмоций, которые раньше вызывало это любимое действие. Мне стало некомфортно и как-то гадко.

Я поняла, что квартира, которую с такой любовью обставляла для себя, больше не кажется уютным гнездышком. Любимая работа вызывает отвращение. Еда не радует. Я потерялась где-то в себе и пока не могу найтись.

— Привет, дорогая! — из мыслей меня вырывает бойкий голос Аллы. Губы сами собой растягиваются в улыбке.

— Привет! Ой, а кто это к нам пришёл? — тяну руки, чтобы потискать милую булочку — младшую дочь Аллы и Игоря. — Какая она у вас хорошенькая!

Обнимаю полуторагодовалую малышку и с удовольствием вдыхаю её запах, пока маленькая Соня восторженно играет с моими слегка отросшими после операции волосами. На ней платье с розовыми бантами, шляпка и носочки в тон. Такая маленькая зефирка. Играясь, прикусываю её пухлые щёчки и щекочу животик.

— Если ты похудеешь ещё хотя бы на килограмм, я не дам тебе Булку на руки! — приторно зло отчитывает подруга. — Она тебя попросту пополам сломает.

— Ой, да ладно! Сколько в ней того веса? — шутливо поднимаю малышку на вытянутых руках и тут же жалею, потому что Булка на то и Булка, что весит как маленький слонопотам.

— Ксюша! — испуганно перехватывает дочь Алла. — Ты же реально ломаешься! В ней пятнадцать килограмм живого веса!

— Ал, ну не дистрофик я! В конце концов, руки сейчас мои главные инструменты для передвижения, и если я уж себя поднимаю, то с ней точно справлюсь, — успокаиваю подругу и с улыбкой наблюдаю, как вреднучая Сонечка вырывается из рук мамы и начинает носиться электровеником по палате.

— Это в голове и не укладывается! Ты себя в зеркале-то видела? — хмурюсь.

Конечно, я видела себя. Вместо привычных волос до середины лопаток — короткий отрастающий ёжик в стиле «Солдата Джейн». Вместо живого блеска глаз — непонятная муть, веса — на одну Сонечку меньше, чем было. Несколько тонких шрамов у виска и глаза — почти незаметных со стороны, но не для меня. Видеть своё отражение не очень хочется. Эта версия меня крайне бесит.

— Ксюх, я не то имела в виду... — начинает извиняться Алла, понимая, что ляпнула что-то зацепившее меня, но я её перебиваю.

— Всё ты правильно сказала, просто... ммм... Не привыкнуть мне, — пытаюсь объяснить реакцию.

— Так и не надо привыкать! Надо идти вперёд, — уверенно отвечает Алла. — Смотри, я тебе принесла запечённые яблоки с творогом. Ты их очень любила раньше. Врач твоя разрешила, я прошла фрик-контроль.

Хихикаю. Да, Валентина бдит, заставляя медсестёр тщательно проверять все передачи своим пациентам. Из контейнера доносится давно забытый запах: тёплый, мягкий, с лёгкой кислинкой. Он сразу отправляет меня в далёкое детство. Бабуля очень любила запекать яблоки в печке.

На вкусный запах тут же топает Соня — она никогда не пропустит приём пищи. Любой пищи. Алла смеётся, рассказывая, как они со старшей дочкой прячутся в туалете, чтобы поесть суши. В остальных случаях загребушие руки малышки отвоёвывают себе пищу.

— Хочешь? — спрашиваю, устраиваясь за столиком у кровати. Ходить и вставать я не могу, а вот свесить ноги на пол — вполне.

— Дя! — выдаёт она и так комично облизывается, что мы с Аллой хохочем вслух.

Делим порцию яблок на троих и под бдительным оком мамочки едим с Соней по очереди. Будь Алкина воля, она бы и меня сейчас кормила «за маму, за папу и за бычка из стишка».

Как-то незаметно за болтовнёй и вознёй с малышкой я съедаю свою порцию и половину Аллиной, которую она радостно отдаёт.

— Мир несправедлив. Тебе вот мясо на кости не наесть, а мне бы лишнее убрать! — демонстративно оттягивает прибавившийся после третьих родов жирок на животе. — Эти килограммы как пришли ко мне, так и не уходят. Может, тебе по-братски отжалеть?

Закатываю глаза. Сколько себя помню, подруга борется за идеальную фигуру, но проигрывает в неравном бою с генетикой и ритмом жизни.

Хочу заверить, что лишние килограммы не портят её, а лишь добавляют сочности, — но давлюсь куском яблока. Атмосфера вокруг меняется, и я точно знаю почему: в больницу приехал Константин Владимирович.

После аварии я чувствую его присутствие на каком-то сверхъестественном уровне. Стоит ему приехать, и моё тело становится жёстким, натянутым, будто струна.

Отодвигаю недоеденное яблоко.

— Спасибо, Алл. Всё очень вкусно, — пытаюсь побороть накатывающее чувство тошноты. Я должна быть сильной! Иначе мне вон Булку тискать не дадут! Вымученно улыбаюсь маленькой шкодине, которая старательно ладошками размазывает остатки своего яблока по тарелке.

Глава 2. Прощение или прощание?

Ксюша

Дверь в палату распахивается, и входит Константин Владимирович: как обычно, деловой, властный и непривычно усталый. Мне кажется, что он стал суше. Под деловым костюмом это не очень заметно, но когда он остаётся в одной рубашке, рельеф мышц виден слишком отчётливо.

— Всем добрый день, — здороваюсь и слегка тушуеться, увидев меня и Булочку за столом. — Не помешал?

— Добрый день, мы уже почти доели, — вымученно улыбаюсь, переживая противное ощущение мути где-то в груди, и помогаю Алле убрать со стола. — Дайте нам пару минут, и я освобожусь.

— Хорошо, — бывший босс кивает и выходит в коридор.

Мои подруги знакомы с боссом ещё с тех пор, как я валялась без сознания. Нина и Алла всегда с ним холодно любезны, так, будто он ветеринар и из сострадания при них котёнка удавил. И если для Нины это привычный формат общения с людьми, то Алла обычно — добрейшая душа, обожает всех и вся. Странно видеть её такое поведение, но они обе ничего не комментируют, лишь отшучиваются.

— Мы пойдём, Ксюш, — улыбается Алла, вытирая перепачканную моську дочери.

— Вот ещё! Тащились в такую даль, чтобы сбежать из-за Орлова? — возмущаюсь. — Идите погуляйте на территории, мы с ним минут десять переговорим, и я спущусь к вам. Прогуляемся вместе. Пододвинь коляску, пожалуйста.

— Коляску держи, — подгоняет она мой транспорт вплотную к кровати, чтобы я с помощью рук могла пересесть. — А мы поедем. Ещё дела есть. У Юльки вечером отчётный концерт, она там стрессует.

Понимающе улыбаюсь: старшая дочь Аллы уже подросток и волнуется крайне своеобразно. Вроде и нервничает, но поддержать никому толком не даёт. Ну потому что: «Я же взрослая!» При этом, если никто не делает попыток поддержать, дуется: «Я вам совсем не нужна!»

Мы с Ниной тихо угораем над подростковой биполяркой, вспоминая свои школьные годы, а Алла, конечно, страдает. Потому что она прекрасная мать и всех детей любит, за каждой душой болеет.

— Ладно! Привет ей передавай и видосик пришли! — собравшись с силами, пересаживаюсь в коляску. Алла попыток помочь не делает. Знает, что я только рычать буду.

Расцеловываю подругу, тискаю на прощанье малявку. Такая она милашка у ребят. Уходя, девочки выпускают Константина Владимировича.

— Ксения! Ну зачем вы сами! Я бы помог! — возмущается он, замечая, что я встречаю его в кресле.

— Мне надо привыкать к самостоятельности, — отмахиваюсь от помощи, и получается даже слишком сухо. Почти высокомерно, что в моём положении выглядит как минимум странно.

— Как ваше самочувствие? — Орлов не реагирует на мой тон. В его голосе — искреннее беспокойство. От этого становится ещё хуже, и я старательно концентрируюсь на хорошем, чтобы организм вновь не подвёл меня.

— Без особых изменений, — выдавливаю, пережив очередную подкатывающую к горлу волну. Смысла скрывать своё состояние нет: информацию он может получить и от медперсонала. — Постепенно возвращаем подвижность ноге. Если всё пойдёт в хорошем темпе, месяца через три встану. Необходимо только наладить питание.

— Чем вам помочь? Организовать доставку продуктов? Какая-то специфическая диета? — тут же включается босс в Орлове. Он также ведёт себя во время мозговых штурмов, наки-

дывая сотни вариантов в секунду. Понимаю, что возможность помочь мне — это его вариант облегчить свою душу, и обычно соглашаюсь на всё, но не сейчас. Еду, заказанную для меня бывшим начальником, я точно есть не смогу.

— Проблема не в качестве еды, а в голове, — поясняя, постукивая пальцем себе по виску. — Я работаю с психотерапевтом, и ситуация должна скоро решиться.

— Хорошо, — Орлов кивает, закрывая для себя вопрос, и в палате повисает гнетущая тишина. Мне не о чем с ним разговаривать, а ему? Не знаю.

В любовных романах, когда босс ездит в больницу к героине, у них находятся общие интересы, вспыхивает симпатия и заканчивается всё свадьбой и десятком совместных детей. Однако это жизнь, а не роман. В реальности нам абсолютно не о чем разговаривать с Орловым, кроме работы, которая меня теперь не касается, и моего здоровья, которое уже набило оскомину.

Внезапно налетают воспоминания о Яше. Я умом знаю, что это всё была игра с его стороны. Я была просто заказом, и все эти беседы при Луне — лишь грамотная подготовка и изучение объекта, однако сердце предательски сжимается. Чёртовски больно. Не от разбитого сердца, а от осознания, что вот эти мелочи — сплошная фальшь.

Игнорируя Константина Владимировича, подъезжаю к окну и смотрю на опостылевший дуб: он хотя бы не вызывает болезненных воспоминаний.

— Ксения, ко мне тут сегодня подошёл Иван... — разрывает давящую тишину какой-то неуверенный голос Орлова. — Он сказал, что вы поблагодарили всех за беспокойство, но попросили больше не писать. Могу я спросить: в чём дело? Мне кажется, ребята искренне за вас волнуются и скучают.

— Хвост надо рубить разом, а не по частям, — отвечаю, не поворачивая головы.

Я только пришла в себя от дурацких воспоминаний, а босс подкинул ещё дровишек в горнило моей внутренней боли. Тянусь к тумбочке и беру воду. Отпиваю большой глоток, пытаюсь избавиться от противного чувства в горле.

— Не понял вас? — спустя паузу всё-таки уточняет Орлов.

— С коллегами меня связывают только рабочие отношения. Не хочу подставлять их под проверку СБ: всё-таки я неблагонадёжный сотрудник, и общение со мной может их скомпрометировать, — с тяжёлым вздохом поясняя очевидное.

— С чего вы взяли? — возмущается Константин Владимирович, но, вспомнив наш разговор перед аварией, осекается. Тяжело дышит, но продолжает: — Ксения, это всё недоразумение. Никто не считает вас неблагонадёжной. Вы по-прежнему наш сотрудник, просто на больничном. Коллеги ждут вашего возвращения.

Всё-таки оборачиваюсь к нему. Не знаю уж, что там у меня на лице, но, поймав мой взгляд, Орлов резко дёргает галстук. Будто ему не хватает кислорода.

— Зря ждут, — говорю хриплым голосом. — Я не вернусь в компанию.

— Что? — переспрашивает растерянно Константин Владимирович.

— Я не вернусь в ЕНТех, — терпеливо повторяю.

Орлов застывает. Какое-то время даже не моргает, слепо глядя на меня. А потом его будто срывает: он рывком стягивает галстук, сдёргивает его, будто удавку, — следом летит пиджак.

Константин Владимирович порывисто шагает ко мне и садится на корточки, заглядывает мне в глаза.

— Ксения Владимировна... Ксюша... простите меня. — Его голос прерывается, вибрирует, выдавая внутреннее смятение. На меня же нападает странная апатия. Я будто смотрю на всё со стороны.

— Не надо, Konst... — хочу его остановить, но мужчина меня перебивает.

— Надо! Давно надо! — восклицает и взволнованно продолжает. — Понимаете, Ксения, когда принимал то решение использовать вас «в тёмную», я был уверен, что для вас увольне-

ние не будет потрясением. Все психологические выкладки говорили, что вы карьеристка, но не имеете особой привязанности к месту. Этакая деловая стерва. Я был уверен. — Сокрушённо качает головой и морщится, как от зубной боли. — Когда случилась авария, я заставил провести служебное расследование. Оказалось, что Татьяна Станиславовна посчитала, что у нас с вами роман. Решила устранить конкурентку из фирмы и соблазнить меня. Она уволена и никогда не сможет работать психологом. Я позаботился. Сергей же... Он, знаете, фанат своего дела. Для него вскрыть наших врагов — как для лудомана очередная выигранная партия.

Грустно ухмыляюсь. Да-да, оправдывайте этого мудака. Сергей просто — козлина, который после ухода жены ненавидит всех женщин. Мы для него — расходный материал. Не удивлюсь, если он даже обрадовался, что всё так вышло. Вообще не понимаю, почему такой адекватный руководитель, как Орлов, держит настолько нестабильного начальника службы безопасности.

— Да и когда разговаривал с вами, не заметил какого-то особого потрясения. Вы умеете держать лицо. — Орлов грустно хмыкает, растирает рукой лицо и продолжает. — Даже охрана на выходе поняла, что с вами что-то не так, только когда вы машину не заметили. Хотя вы шли из офиса днём — что вообще нонсенс для такого трудоголика.

Константин Владимирович говорит, говорит и говорит. Сумбурно и смазано, вываливая на меня всё больше абсолютно ненужных мне подробностей. Вместе с его откровениями ко мне подкрадывалась апатия — частая спутница последних дней. Страхивать с себя липкое ощущение безразличия к жизни с каждым разом всё сложнее. Провалиться в жалость к себе и ненависть к окружающим оказывается очень просто. Бороться с внутренним демоном лени, который получил полный карт-бланш в связи с отсутствием работы, стоит титанических усилий. Каждый раз я повторяю себе как мантру, что хочу жить. Раз выжила, значит, должна ходить. Раз судьба дала мне знак и шанс, значит, должна начать всё сначала. Моё подсознание с трудом справляется, а тело вновь корёжит. В голове на повторе — слова Валентины про силу и реабилитацию. Удерживаю себя от рвоты только силой воли.

Изнутри поднимается волна жгучей злобы. Исповедь босса для очищения собственной совести толкает меня с горы в очередную внутреннюю мясорубку.

— Что вы от меня сейчас хотите? — максимально холодно произношу, прямо глядя в стальные глаза напротив.

Наверное, этот тон выглядит смешным на фоне моего ужасного вида, но голос пока — единственное доступное оружие. Голос и остатки внутренних сил.

— Я? — удивлённо переспрашивает Орлов, моргает, будто страхивая помутнение, и вглядывается в моё лицо. Ищет там подсказки, что ли? А мне до жути хочется спрятаться. Как никогда остро чувствую своё несовершенство сейчас: худобу, бледную, болезненную кожу, сломанные ногти, короткие волосы. Собираюсь, чтобы никак не показать внутреннюю уязвимость.

— Вы-вы, — киваю уверенно. Кто б знал, сколько сил мне это стоит.

— Ничего не хочу, — ошарашенный взгляд Константина Владимировича даже как-то успокаивает мою внутреннюю бурю. Редкое зрелище. Мне неожиданно досталась привилегия видеть Большого Босса разным, а не только властелином мира.

— Тогда зачем вы рассказываете мне всё это? — вдохновлённая видом шефа, нахожу в себе силы быть резкой. — Поверьте, у меня нет абсолютно никакого желания знать подробности. Они меня не успокаивают ни разу. Мне хватает последствий.

— Если же вы пришли получить моё прощение, то это бессмысленно. Зла на вас я не держу. — Смотрю прямо и открыто, чтобы не сомневался в моих словах. — Как руководитель вы сделали всё правильно. Я бы поступила так же. Благо компании стоит выше даже моей собственной жизни. Если бы те разработки ушли налево, последствия не только для компании, но и для всего рынка были бы катастрофичными.

— Если же вы просто хотите выговориться, то найдите себе другую жилетку, — мой тон становится более жёстким, безапелляционным. — Поверьте, моих внутренних сил сейчас точно не хватит на сочувствие вам. Даже лицемерия притворяться не хватит. Я благодарна вам за оплату моего лечения, но эгоистично предпочту считать, что это оплата производственной травмы. Потому что взрыв мозга я получила ещё будучи сотрудником.

С каждым словом моей отповеди глаза Орлова становились всё больше. Я уже начала опасаться за его здоровье.

— Простите, Ксения, — впервые с момента нашего знакомства Константину не хватает сил смотреть собеседнику в глаза. Он отвёл свой взгляд и гипнотизировал прикроватную тумбу. — Я почему-то посчитал, что для вас будет важно узнать правду. Но... Вы правы. Это эгоистичное желание получить прощение. Потому что сам себя я простить не могу. Помимо катастрофических ошибок, я не понимаю, как мог так ошибиться на ваш счёт. Я ведь знал вас с момента прихода в фирму. Видел, как вы работаете. День за днём виню себя, что...

— Прекратите винить, — обрываю стенания взрослого мужика. Аккуратно касаюсь рукой его подбородка, поворачивая лицо к себе. Руку простреливает от прикосновения аж до локтя. Пытаюсь убрать ладошку, но Орлов перехватывает мои пальцы и сжимает. Ловлю его тяжёлый, болезненный взгляд. — Я прощаю вас. Всё. Вы ни в чём не виноваты! Будьте свободны от этого чувства.

Мы молчим. Константин Владимирович тяжело дышит. Его взгляд мечется по моему лицу, а рука сжимает ладошку, которую я так и не смогла забрать. Не знаю, что он там видит, но, тяжело сглотнув, Орлов сипит:

— Простите!

И, не дав мне ничего ответить, он с трудом встаёт. Неудивительно — столько сидеть на корточках: даже у такой «машины», как Орлов, ноги затекли. Как он вообще это выдержал? Пошатываясь, Константин Владимирович выходит из палаты, забыв о своих вещах. Босс уходит, оставляя меня в смятении. Дверь громко хлопает — и словно по команде по моим щекам катятся слёзы. Сегодня они какие-то другие. Это уже не слёзы боли и безнадёжности. Это слёзы... прощания?

Глава 3. А где вина?

Ксюша

— Та-а-ак, — тянет Валентина, рассматривая очередные снимки моей ноги.

Моё сердце падает куда-то в пятки. Коляска — это гораздо лучше, чем лежать на вытяжке, но хочется уже хоть как-то начать ходить. Понимаю, что до этого далеко, но страстно желать этого не прекращаю.

— Что скажешь? — не выдерживаю всё-таки молчания моего реабилитолога.

— Скажу, что нам невероятно повезло, что ты месяц пролежала в отключке! — рубит Валентина.

— Эм? — моего возмущения хватает только на недовольное мычание.

— Если бы ты так ела и восстанавливалась, как сейчас, то коляску бы увидела ещё месяца через два, — рубит жёстко. — Что у тебя с питанием и весом?

— Стоит. С едой... Ну, на этой неделе почти не тошнит, — я не вру. Просто редко, но метко.

— Как с психотерапевтом? — уточняет Валентина, просматривая мою карту.

— Отлично! — воодушевлённо улыбаюсь.

— Точно?

— Точно!

Проваливаюсь в себя: а точно ли точно?

#####

Неделю назад

После ухода Орлова меня накрыла ужасная истерика. Вся накопившаяся боль и отчаяние выплеснулись потоком слёз. Я рыдала несколько часов без остановки, чем напугала медсестру. Мне вкололи успокоительное, и меня почти сразу сморил сон, а утром ко мне пришла врач.

Елена Аркадьевна казалась суровой дамой лет сорока: холодный взгляд, строгая причёска, тёмная медицинская форма с белым воротничком создавали образ такой училки. Однако стоило психотерапевту улыбнуться, как её лицо мгновенно преобразилось. Она превращалась в такую тётушку с соседней квартиры: чаем напоит, мальчишек - хулиганов наругает и родителям не сдаст. Я смогла довериться ей сразу.

— Говорят, вы вчера весь вечер плакали? — спрашивает она доверительно, сразу, как мы устроились поудобнее в палате.

— Было дело, — неловко улыбаюсь. Собственная слабость ощущалась как пальто не по размеру: в плечах жмёт, не повернуться, не присесть.

— А что вас так расстроило? — голос мягкий, обволакивающий.

— Не то чтобы расстроило... Просто... разозлило? — пытаюсь анализировать сама себя.

— Разозлило? — удивляется Елена Аркадьевна.

— Да, разозлило, — киваю и решаюсь рассказать правду. — Ко мне приходил бывший начальник, Константин Владимирович Орлов. Он извинялся за всё произошедшее. Долго объяснял, почему решил использовать меня в тёмную, кто виноват в аварии. Вот эти все оправдания и разозлили меня.

— Это авария, из - за которой вы здесь? — уточняет врач. — Я просто не в курсе подробностей.

Тяжело вздохнув, очень коротко рассказываю предысторию моей травмы. Даже на свой далеко не врачебный взгляд, всё выглядит в моих речах крайне травматично.

— И вы не хотите прощать своего начальника? Поэтому злитесь? — спрашивает Елена Аркадьевна, когда я заканчиваю свой сумбурный рассказ.

— Нет - нет, — качаю головой и нервно тру руки. — Я вообще не считаю его виноватым. Мне... неприятно видеть Большого Босса таким сломленным, виноватым и извиняющимся. Если бы не авария, он бы перешагнул через меня и пошёл дальше. Компания — это главное. И я бы на его месте поступила точно так же, не вижу причин тут извиняться.

— А кто же тогда виноват? — удивляется психотерапевт. — Этот шпион? Яков, кажется?

— Ну - у - у, — задумываюсь. — Он, конечно, виноват, но скорее с точки зрения закона, чем передо мной. Он просто вот такой мошенник.

— А кто же тогда виноват? — вновь удивляется Елена Аркадьевна. Её участие такое искреннее, что я решаюсь и говорю правду.

— Я. — Пожимаю плечами. Странный вопрос, это же очевидно. — Конечно, во всём виновата я сама. Не распознала в Яше мошенника. Вернее, я догадывалась, но отмахнулась от своих мыслей. Не была внимательна на злосчастном корпоративе. Прогнозировала своё состояние и не приняла лекарство. Так что моё пребывание здесь вполне оправдано, сама себя наказала.

— О, то есть вы сторонница теории, что жертва изнасилования сама виновата, что пострадала? — понимающе тянет врач.

— Ну - у - у, не всегда, конечно. — Задумываюсь, чтобы лучше сформулировать свою мысль. — Вряд ли чем - то могут быть виноваты жертвы педофилов, а вот во взрослом возрасте, ну... пожалуй, да. Часто женщины сами провоцируют насилие.

— О - о - о, — как - то странно тянет врач и сокрушённо качает головой. — То есть во всех своих бедах вы всегда вините себя?

— Ну да, — не понимаю, к чему вопрос. — А кого ещё винить? Если команда недоработала, значит, я не проконтролировала. Если в личной жизни не везёт, значит, я не тех мужчин выбираю. Если меня уволили как «неблагонадёжную», значит, я была не права в своём выборе. И ведь это правда так!

— Ксения, а вы говорили о начальнике охраны. Я правильно поняла, что вы проверяли вашего спутника и вам сказали, что он чист? — ласково и аккуратно спрашивает врач.

— Да, мне выдали официальное заключение.

— А что вы должны были делать как сотрудник в таком случае? — уточняет Елена Аркадьевна так вкрадчиво, будто змею заговаривает.

— Ничего. — Мысленно вспоминаю должностные инструкции, вдруг что забыла. — Мы подаём данные, их проверяют, и если выдано официальное заключение, то мы вольны сами выбирать — продолжать отношения или нет.

— Так, а если кандидатуру вашего потенциального спутника не одобрили, вы должны прекратить отношения? — продолжает пытливо выспрашивать врач.

— Ну или уволиться.

— Но вам одобрили отношения? — Мне кажется, этот вопрос в разных формулировках у меня уже спрашивали.

— Да, одобрили. — Вспоминаю бумагу за подписью Рогова в своих руках. Мне не привиделось, всё так и было.

— Так где же вы ошиблись? — щурится Елена Аркадьевна, будто просвечивая меня насквозь. — Инструкции вы выполнили, одобрение получили, отношения продолжили. Где ошибка?

Задумываюсь. Не могу ответить с ходу. Прокручиваю алгоритм в голове несколько раз.

— Ну, Яков оказался мошенником, — как - то неуверительно даже для меня звучит.

— Вы могли понять это по его поведению? Он скрывал звонки? Вёл себя подозрительно? Выспрашивал про работу? — вопросы сыплются на меня без остановки.

— Не - е - ет, — вспоминаю сквозь тупую боль наши отношения. — Телефон он не прятал, никаких странных звонков не было. Отвечал часто при мне, даже по работе. Работой интересовался, но... Ну, не больше обычного. В предыдущих романах было примерно так же.

— Но вы его подозревали почему - то? — уточняет Елена Аркадьевна.

— М - м - м, он иногда вёл себя странно. — Пытаюсь объяснить свою мысль. — Мог замолчать на сутки или ответить слишком холодно. Подруга говорит, что это манипулятивные приёмы пикаперов всяких, чтобы женщину привязать к себе.

— Это можно было связать с вашей работой? — очередное уточнение.

— Нет, — качаю головой. — Скорее было похоже на такого... полуабьюзера какого - то.

— Так где же ваша вина? — внезапно спрашивает психотерапевт.

— Я ошиблась, — уверенно отвечаю.

— А разве ошибаться плохо? Вы ведь просто ошиблись в человеке? Вы не скрывали информацию, не нарушили рабочий протокол? — пытливо вглядывается в меня врач. — Как я поняла, вы даже к информации доступ дали не по своей воле. Вам дали какие - то препараты. Так где тут ваша вина?

Смотрю на врача и не знаю, что сказать... Мысли путаются.

#####

— В общем, так: если ты за следующую неделю наберёшь хотя бы килограмм, то мы начнём ЛФК. — вырывает меня из воспоминаний голос реабилитолога. Она трясёт моим снимком, будто угрожая кормить силой. — Пока только аппаратную терапию и мой личный массаж. НО! Без веса ничего делать не будем! Поняла меня?

— Да! Да! — радостно улыбаюсь. — Будет вам килограмм!

Глава 4. Перевари!

Ксюша

Валентина крайне аккуратно массирует ногу. Неделя прошла — килограмм я набрала. Потом прошла ещё неделя в компании электрофореза, УВЧ и прочих волшебных приборов для лечения. Я набрала ещё полтора килограмма, и Валентина наконец подключила свои руки. Массаж после такой травмы — крайне деликатный. Не через боль, пот и слёзы, а чтобы не навредить нигде снова. Не знаю, будет ли всегда так, но мне нравится. Я... чувствую себя по-другому.

— Кстати, — вспоминаю об одной странности, — Валентин, ты не в курсе, почему мой Босс больше не появляется?

Я с момента его душеспасительной речи больше не видела. Надеюсь, что он перестал страдать ерундой и занялся работой, но решаюсь уточнить. Ни с кем из коллег связываться не хочу, а девочек своих неловко спрашивать.

— Константин Владимирович-то? — спрашивает Валентина, методично двигая руками.

— Ага, — слежу за врачом.

— Я запретила ему приходиться к тебе, — слышу неожиданный ответ и даже с дыхания сбиваюсь.

— З-запретила? Почему?

— После его приходов твоё РПП усиливалось. Я сначала думала, мне кажется, но потом завела дневник твоего веса и приступов. В дни, когда Орлов, твой, улетал в командировки, у тебя шла небольшая прибавка. Стоило ему вернуться — и получите откат на блюдечке. Так что нечего ему тут делать, — припечатывает под конец. — Или ты расстроилась?

— Расстроилась? — переспрашиваю, заглядывая в себя. Какие эмоции вызывает эта новость?

Не успеваю проанализировать, потому что Валентина продолжает:

— Хочешь, чтобы он тебя навещал? Соскучилась? — Валентина Ивановна хитро прищуривается, будто намекая на что-то.

— Соскучилась? — прислушиваюсь к себе и не нахожу страданий по боссу. — С чего бы? Я, честно говоря, только вчера поняла, что его давненько не было. Подумала, может, опять в Китай улетел: новые проекты в разгаре, партнёры жаждут встреч.

— А я думала, у вас как в каком-нибудь ромкоме: босс давно был влюблён в сотрудницу, но она поняла это, только попав в больницу, — по голосу слышу, что мой реабилитолог — любительница сериалов. Уже придумала себе какой-то фэнтезийный сюжет.

— Скажешь тоже! — смеюсь над ней. — Орлов влюблён только в свою работу. Его же иногда киборгом зовут. Никаких романов, душевных драм или подозрений. Только работа.

— Да? — с сомнением переспрашивает Валентина, а я киваю. — Ну не знаю, мне показалось, что он более чем влюблён в тебя. Вон как мчался сюда при первой возможности.

— Это он от чувства вины ездил. Гложили его остатки совести, внезапно проснувшейся, — вот и ездил. Я думаю, что он только обрадовался твоему запрету. Прекрасная возможность переложить на кого-то нежелательное решение — разорвать эту связь, — делюсь своими мыслями.

— Ой, Ксюш! — возмущённо качает головой Валентина. — Вот много ты знаешь людей, которые рвутся мелькать перед глазами человека, которого обидели? Вина в угол загоняет. Прятаться заставляет. Знаешь, как у нас тут виноватые делают?

— Как? — спрашиваю с искренним любопытством.

— Оплачивают лечение и валят за границу, — жёстко припечатывает врач. — Редко кто находит в себе смелость даже просто приехать, не то что извиниться. А посещать каждый день — такое на моей памяти было всего пару раз. А я тут почти десять лет работаю.

Я теряюсь. Босс влюблён в меня? Это какая-то шутка. Тогда как объяснить его визиты? Ведь на самом деле Валентина права. Мало кто хочет смотреть в лицо своей жертвы. Для этого надо мужество или чувства.

— Не знаю, что и сказать... — отвечаю, когда массаж уже фактически закончен.

— А ты ничего не говори, просто перевари эту мысль, — улыбается врач и накрывает мою ногу тёплым пледом. — Так, лежишь тут, смотришь телевизор час. Без нас никуда не двигаешься. Придут санитарочки, помогут пересесть потом. Не морщись. Рисковать ногой нельзя. Ещё успеешь погеройствовать.

Подкладывает мне подушки под спину, устраивая удобнее. Берёт пульт от телевизора, который висит высоко — специально, чтобы пациенты могли видеть, лёжа на кушетке, — и включает... мелодраму.

— Оу, а можно что-то другое? — прошу с мольбой в голосе. Последний раз я мБлодраму смотрела ещё с бабулей. Она очень любила эти страсти. Мне же всегда было не до них. Если и смотрела, то только старые комедии, от которых стараниями Якова меня отвернуло в один день. Из отечественных фильмов любила только старые музыкальные — мюзиклы, как их сейчас бы назвали. Но на экране начиналось далеко не «Весёлые ребята» и даже не «Волга-Волга». Это было что-то мыльно-мыльное и современное.

— Нет! Тебе нужна терапия эмоциями! — отрезает врач.

— Ну, Валентина Ивановна! Пожалейте! — почти кричу вслед уходящей женщине.

— Нет-нет, Ксения Владимировна! Терпите! — безжалостная врач закрывает дверь, оставляя меня один на один с продуктом современной отечественной киноиндустрии.

Только когда она ушла, я поняла, что телефона у меня с собой нет. Как и книги. Для экстренной связи есть кнопка вызова персонала, но дёргать вежливых медсестричек из-за фильма мне не позволяет совесть. Да и я уверена, что жестокая Валентина Ивановна дала им указания на этот счёт. Тяжело вздохнув, погружаюсь в пучину переживаний киношной мажорки.

Незаметно для себя включаюсь в фильм. Богатая наследница, приехав выкупать землю у фермера в отечественную глубинку, попадает в десяток смешных перипетий. Смеюсь почти до слёз. Такая она глупая в этих моментах.

Неожиданно для себя думаю, что, хоть и стала столичным офисным планктоном, все эти неурядицы пережила бы спокойно. До поступления в университет я каждое лето ездила в деревню к бабушке. Сначала погостить, а потом мы приезжали вдвоём.

Я не боюсь ни резиновых сапог, ни колорадских жуков. Да, с лошадьми, конечно, никогда не ладила, но вот подоить корову или козу — проблемой не будет. У соседки было большое хозяйство, и она с удовольствием принимала мою помощь. Я даже знаю, как сорвать крапиву так, чтобы не обжечься, и как сделать из неё вкусный летний суп.

Да и деревня сегодня далеко не такая, как раньше. Интернет есть в самых разных регионах. В крупных сёлах пункты маркетплейса — не такая уж редкость. Вон даже в фильме показывают какого-то местного блогера. Рилсы с рассветами и закатами отлично залетают. Наша страна невероятно красива в своей природе.

Задумываюсь. На краешке сознания мелькает мысль: «А что, если...?». Додумать её не получается — дверь открывается, и заглядывает Нина.

— Привет, дорогая! — улыбается радостно, но устало. Наклоняется и аккуратно обнимает меня.

— Привет, Нин! — крепко обнимаю в ответ. — Как тебя сюда пропустили?

— А, Валентина сказала, что ты всё равно просто отдыхаешь и разрешила, чтобы мне не ждать. Видно, совсем измученно выгляжу. — Нина садится рядом и продолжает улыбаться. А

я замечаю яркие следы усталости: тёмные круги под глазами, усилившиеся морщины у лица и под глазами, небрежную причёску. Обычно Нина выглядит как с иголки.

— Нин, что у тебя случилось? — спрашиваю с участием.

— Ой, Ксюш, не забивай голову, — пытается уйти от ответа, но я не даю.

— Маленькая! Ну-ка колись! — вспоминаю школьную фразу, которой мы на пару с Аллой дразнили Нину и выпытывали секреты.

— Ну вот что ты начинаешь! — Нина возмущается, но в глазах возвращается улыбка. Её всегда дразнили за низкий рост и фамилию «Маленькая», которая только подчёркивала миниатюрность девочки. Мы троём сражались в школе со всем миром. Алла отстаивала право на лишние килограммы, Нина — на фамилию, а я — на сиротство. Так и подружились. Друг над другом, конечно, подтрунивали. Но по-доброму и без обид.

— Давай-давай! Малышарик! — показываю язык и шуточно угрожаю. — У меня целый арсенал из детских фраз!

— Ой, ладно! — машет на меня рукой и вновь грустнеет. — Муж мой... подрался с пациентом.

В кабинете повисает тишина. Нина не решается продолжать, а я в шоке.

— погоди, — аккуратно качаю головой. — Он же у тебя оперирующий хирург.

— Да. У пациента должна была быть выписка, а Савелия выдернули на экстренную операцию. Документы подготовил пациенту с опозданием, тот начал возмущаться. Агрессивно вёл себя, и Сава, вместо того чтобы вызвать охрану, сам врезал дебоширу. В живот. А у того операция была на печени. В общем, пациент, конечно, выжил, но домой в тот день не отправился. Скандал. Сава — под следствием. Отстранён от врачебной деятельности.

Замолчав, Нина устало растирает виски.

— Это третья драка за год, Ксюш. Остальные хоть в нерабочее время и не с пациентами, но всё равно... От терапии он отказывается.

Сжимаю ледяную руку подруги. Не знаю, чем здесь помочь. Она сама выбрала путь жертвы, наказывая себя за грех прошлого. Спасение Савелия — её способ компенсировать свою вину перед другим человеком. По-моему, абсолютно бессмысленный. Этот напыщенный индюк не ценит ни Нину, ни её помощь. У нас много раз были разговоры об этом, и сейчас абсолютно не время лезть с нравоучениями к подруге.

— Нин, чем помочь? — участливо спрашиваю.

— Выздоровливай быстрее! — улыбается Маленькая. — Знаешь, когда мне позвонили из «Склифа» с сообщением о твоей аварии, это было куда страшнее, чем муж с неконтролируемыми приступами агрессии. Он — знакомое зло, а вот любимая, сильная и неунывающая подруга на больничной койке — нечто из разряда фильмов ужасов.

Сглатываю тяжёлый ком в горле. Не представляю, как сама бы чувствовала себя, окажись на моём месте Нина или Алла. Кроме них у меня нет никого.

— Стараюсь как могу, — отвечаю, справившись с собой. — Набрала 2,5 килограмма. Вот массаж начали. Сама знаешь, какой это прогресс для меня.

— Знаю, — кивает Нина и улыбается. — Как дела с терапией?

Хмурюсь. Понимаю, что Нина не хочет обсуждать свои проблемы и просто переводит тему. Что ж, её право.

— Хорошо, — Нина скептически гнёт бровь. — Нет, правда, хорошо. Елена Аркадьевна — отличный специалист, мне с ней комфортно. Просто все эти задания... тяжело даются.

— Задания? — переспрашивает подруга.

— Ага, от сеанса к сеансу она мне даёт задания, с ответов на которые мы начинаем следующую встречу, — замечаю, как на лице Нины появляется любопытство, и решаюсь продолжить. В конце концов, ей полезно переключиться — почему бы и не за мой счёт?

— Вот смотри, я уже два дня думаю над вопросом: когда впервые я почувствовала себя виноватой в том, что не совершала.

— Без вины виноватая? — уточняет, а я только киваю. — И как? Есть успехи?

— Неа... — бездумно смотрю на экран телевизора, где мелькают кадры свадьбы главных героев. — Бабушка всегда была справедлива. Родители при жизни... Ну, не скажу, что мало мной интересовались, но уж точно не винили ни в чём.

Нина хмурится, задумывается.

— Погоди, а другая родня? — спрашивает внезапно.

— Кто? — удивляюсь. — После смерти родителей у меня была только бабушка да тётка-алкоголичка — сестра отца. Она пережила его года на два, потом спилась!

— Ну вот... Алкоголичка эта! Помню, как ты однажды жаловалась про скандал на похоронах? Что-то там про испорченную жизнь? — Нина крутит пальцем в воздухе, вспоминая мои слова.

— Всю жизнь сгубила... — исправляю я, чувствуя, как кровь отливает от лица. Кажется, я нашла ответ для Елены Аркадьевны.

Глава 5. Запечатление

Ксюша

18 лет назад. Село Каменка

В доме витал стойкий запах бабушкиных лекарств. Их пили все. Хотя все просто пили. Кто бабулины лекарства, кто беленькой баловался. Смерть родителей, будто школьный звонок посреди урока, заставила всех вздрогнуть.

Находиться в доме невыносимо. Я кожей чувствую эмоции, щедрой рекой льющиеся вокруг. Чёрные тряпки на окнах и зеркалах будто душат меня. Кажется, что это не родной и любимый с детства дом, а какая-то пещера с драконом. Вот-вот он выскочит из дальнего чулана и сожрёт меня. И меня тоже не будет. Как мамы и папы.

Выскакиваю из дома и забегаю за угол. Здесь у нас — уличный туалет, сарай, а за ним — помойка. А на помойке — еловый лапник. Пока мы ездили на кладбище, кто-то убрал его туда. Смотрю на еловые иголки — и перед глазами опять эти чёрные ямы. Две ямы, как два глаза очередного монстра. Этот сожрал родителей, а не меня. Сожрал и переварил, а мы ему приправы накидали.

Чувствую, что меня трясёт. Слез нет. Меня просто трясёт. Мне холодно. Однажды зимой я выскочила родителей встречать босиком на снег — было так же: холодно и колко.

Не могу смотреть на эти ветки. Они будто часть чего-то большого и страшного. Возвращаюсь в дом. С улицы не вижу ничего, потому в тёмном коридоре врезаюсь в кого-то.

— Изви... — пищу, но меня больно дёргают за руку.

— Паришивка! Тебя я и искала! — темнота говорит голосом моей тётки Зои, папиной сестры.

— Больно! — пищу, когда она волочёт меня в дом.

— Больно ей! Посмотрите на паришивку! Больно! А мне не больно? — Она затаскивает меня в дом. Двери внутри все распахнуты, стоят столы на помин. Народу много — едва ли не вся деревня.

— Зойка! Ты чего это? — пьяненько орёт соседка наша, тётя Марина.

Тётя Зоя пихает меня вперёд, но цепко держит за руку, чтоб не сбежала. Меня же будто цепями сковали: стою, трясусь, а сдвинуться с места не могу.

— Нашла эту паскудницу! Из-за неё всё! Из-за этой дряни я брата лишилась! — Тётя внезапно начинает рыдать, противно — со скулежом и подвыванием, — размазывая слёзы по лицу. — Володенька! Мой Володенька! На кого ты меня покинул? За что бросил? Как я одна теперь буд-у-у-у!

— Нормально будешь! Бухать за его счёт бросишь, — зло и коротко бросает Степан Ильич, другой наш сосед. Тут все — наши соседи.

— Родненький мой! — не слыша ничего, орёт тётка, с силой дёргая меня. — Всё из-за неё! Если б девка его не залетела, мы бы жили в городе! Он был бы инженером! Большим человеком! Как сыр в масле катались бы, а не ногами по трассе колесил.

В моей голове всё смешивается. Кто-то говорит что-то Зойке, она огрызается. Я, будто снеговик зимой, стою замороженная.

— Не бздите мне тут! — верещит тётя Зоя. — Она! Она виновата! Она родилась! Она жила тут! Ей — лучшие учебники, лучшие вещи! Если б её в школу не надо было бы собирать, они б и не поехали в ночь. Этой принцессе — платье для танцев подавай новое. Пляшет она! На могилах родителей теперь, поди, спляши!

Зойка плюёт в меня — до лица не долетает, всё размазывается по чёрной траурной водолазке. А меня срывает. Я расталкиваю людей и бегу из дома. Бегу, размазывая слёзы. В голове бьётся только одно: «Вина! Вина! Вина!»

Заканчиваю свой рассказ, а Елена Аркадьевна молча протягивает мне кружку с водой. Терпеливо ждёт, давая время переварить собственный рассказ.

— И вы не помнили этот момент? — уточняет, когда видит, что я более-менее пришла в себя.

— Не могу сказать, что я его прям забыла. Он был где-то далеко. — Кручу в руках кружку, задумчиво разглядывая переливы воды. — Я очень чётко разделила свою жизнь: в Каменке с бабушкой — и столицу. Будто это два разных человека.

— Почему? — уточняет врач.

— Мне было больно и стыдно за тот период. — Жмурюсь от неприятных эмоций. — Все воспоминания — это какая-то непрерывная борьба: за внимание родителей, за право быть на равных, за знания, за медали.

— А тут вы не боролись? — интересуется участливо.

— Почему не боролась? — удивляюсь и сама слышу, как в голосе прорезаются горделивые нотки. — Ещё как! За лучшие оценки, темы курсовых, место практики, лучшую должность!

— Получается, вы и там боролись, и тут. Но та борьба — больная, а эта — повод для гордости?

— Тут я побеждала... — шепчу в шоке от самой себя. Ведь там я тоже побеждала: медали, учёба, конкурсы. Под конец даже с одноклассниками почти не грызлись. Мысли в голове путаются, но я решаюсь быть честной. — Мне будто стыдно.

— За что? — спрашивает Елена Аркадьевна.

— Не знаю, — пожимаю плечами, пытаюсь организовать жужжащий в моей голове рой.

— За то, что вы из маленького села? — предлагает вариант доктор.

— Нет, никогда не стыдилась этого. — Качаю головой.

— За бедность? — звучит новая версия.

— Мы, конечно, с бабулей жили скромно, но не бедствовали. — Обдумываю эту мысль. — В дырявых вещах в школу я не ходила. Нет.

— За вину? Вот то, что тётя на вас повесила?

А вот эта фраза больно бьёт. Мои щёки вновь опалает жар. Стыд и боль тринадцатилетней девочки одинаково жгут и тридцатилетнюю тётю.

— Похоже... да... — медленно говорю.

— А что вас так задело? — монотонно вскрывает меня Елена Аркадьевна.

Я вновь проваливаюсь в момент, проживаю жгучий стыд, мерзкую вину, что, будто гранитная глыба, легла на плечи.

— Мне очень-очень тогда хотелось, чтобы кто-то пришёл и меня спас, — сознаюсь внезапно. — Сейчас, как взрослая тётя, я спасаю себя сама. Ответственность беру на себя. А тогда... маленькая Ксюша не верила в вину и хотела, чтобы кто-то громко сказал: «Заткнись, Зоя! Она не виновата!»

— А разве не говорили? — хмурится врач, сверяется со своими записями.

— Кто? — удивлённо вскидываю голову.

— Ну, в вашем рассказе был сосед, который одёргивал Зою.

Киваю. Было такое. Но моя память как-то не придала значения, хотя это было...

— А ваша бабушка? Она тоже была там? — Этот вопрос выдёргивает из размышлений.

— А... нет... Ей плохо на кладбище стало, и её возле ФАПа высадили. Фельдшерница ей укол ставила, — припоминаю события того дня.

— Неужели ваша бабушка потом ничего не сказала Зое? — Елена Аркадьевна так искренне удивляется, что я задумываюсь. Силюсь вспомнить всё.

Вот я бегу по полю, холодная мокрая трава мочит ботинки, лицо в слезах. Падаю и лежу, пока окончательно не замёрзну. Несмело иду в баню греться. Сижусь там до самой ночи. А вернувшись в дом, слышу ругань бабушки и тётки.

— Пошла вон отсюда, — чеканит бабушка. Я такой злой её почти никогда и не видела. — Устроила тут цирк!

— А что? Что я не так сказала! — Пьяная Зойка готова броситься с кулаками, а я — защищать бабулю.

— Ты ребёнка винишь. За что? За рождение? Так, по твоей логике, это брат твой член в штанах держать не умел. За танцы её? А не ты ли упёрла деньги, на год учебный отложенные, и пропила? Может, это ты виновата? — Бабушка не кричит, но каждым словом будто бьёт. — Пошла вон из моего дома! Ты тут прав не имеешь. Явишься — всех собак спущу! Ты нам никто!

Пьяная тётка ушла, не заметив меня, а бабушка потом долго сидела со мной в обнимку и шептала слова утешения.

Понимаю, что реву сейчас. Оказывается, был тот человек, кто защитил меня. Закрыв своей спиной от наветов. Всегда держал оборону от любого дурного слова и взгляда. В голове, как на перемотке, пролетает вся жизнь с бабушкой.

— Я не виновата... — шепчу. — Бабушка, когда я стала постарше, всё рассказала. Отец и мама влюбились очень молодыми. Я была желанной, а не залётом и виной. И с работы отец ушёл не из-за меня. А потому что денег не было совсем. Даже без меня и мамы он бы с голоду помер, и Зойка та тоже. И мама моя бросила работу, потому что денег не было. И в тот раз тётка украла деньги. Украла и пропила. А там было и на новый товар, и на учебный год мне. Вот родители и сорвались, хотя не собирались. Деньги нужны были... Я не виновата...

Реву. Это слёзы облегчения. Будто что-то внутри рвануло, разрушив огромную стену между мной и жизнью. Казалось, что даже мир вокруг стал другим. Будто через слёзы я меняю мир вокруг.

Встревоженная длительностью моей истерики, Елена Аркадьевна вызывает медсестру, и та колет мне успокоительное.

— Не виновата... — шепчу, медленно засыпая. Ко мне приходит сон. Другой какой-то. Такого у меня ещё не было.

Р . S . Запечатление (импринтинг) в психологии — это особая форма обучения, при которой в критические (сенситивные) периоды жизни происходит быстрое и практически необратимое формирование привязанности и устойчивых поведенческих реакций на определённые стимулы. Если упростить: человек запоминает ситуацию в своей жизни и повторяет её в разных других моментах на протяжении всей жизни.

Глава 6. Репринтинг

Костя

— Костенька, дорогой! Ты совсем не притронулся к еде! Попробуй вот эту рыбу-тюрко из печи. Она приготовлена специальным способом: томилась в соусе на основе рыбного бульона и сливочного масла со сладкими помидорами.

Мама разливается соловьём — и заботу о дражайшем сыне демонстрирует, и пример радушной хозяйки подаёт. При этом напрочь забывает, что я не люблю все эти сложносочинённые блюда. Мне по душе что-то простое. Ту же рыбу можно просто запечь. А лучше — стейк из индейки с овощным гарниром.

Наш ежемесячный семейный ужин больше напоминает какое-то великосветское событие: парадная столовая, французские белоснежные скатерти, немецкий фарфор, фамильное серебро, еда из лучшего ресторана Москвы. Отвратительно много пафоса и ничтожно мало искренности.

Хорошо, что Диляра, наша домоправительница, в отличие от мамы, знает мои предпочтения. Волшебным образом передо мной появляется запечённый с овощами лосось.

Ещё пару месяцев назад меня бы такая ситуация зацепила. Что бы я ни говорил, меня всю жизнь ранило мамино двуличие. После смерти брата она так легко отказалась от меня. Утонула в горе, совсем забыв о младшем сыне. Можно бесконечно обвинять отца в двуличии, подлости и властолюбии, но мать, по-настоящему любящая своего сына, нашла бы способ для общения.

После той отвратительной сцены на презентации мой взгляд на семью изменился. Месяцы, наполненные работой и мучительным чувством вины, заставили меня погрузиться в самоанализ.

Отец перестал быть для меня авторитетом, мать больше не вызывает сожаления, а дядя... Я ему, конечно, по-прежнему бесконечно благодарен. Вот только теперь у этой благодарности появился горький привкус. Пожалуй, единственные в моём окружении, кто остались такими же значимыми людьми, — это тётя Оля и Аркаша. Никто из них не знал о подковёрных играх отца. Они просто искренне были в моей жизни. Аркаша бесился, орал, что я его подставляю, но пахал теперь наравне со мной. А тётя Оля... Она никогда не делала между нами разницы.

Вот и сейчас, мило улыбнувшись маме, она тихонько просит Диляру налить мне морс вместо вина. Вот что такое внимание. Жаль, что я понял это только сейчас.

— Костя! — гремит над столом голос отца. — Я требую отчёт по поискам Лолы! Не могла эта глупая девчонка спрятаться далеко сама. Либо ей кто-то помогает, либо служба безопасности работает отвратительно!

Мысленно хмыкаю: похоже, вот он — повод отсутствия за «семейным» столом Рогова. Верный папин стукач провинился. Не справился с «глупой девчонкой».

Не спеша прожевываю кусочек нежнейшей рыбы, запиваю морсом и только после этого спокойно спрашиваю:

— Зачем?

— Что зачем? — ярится отец.

— Зачем тебе знать, где сейчас Лола? — покорно поясняю я.

— Она обладательница приличной суммы наших денег, мы должны знать, что они не попадут в руки мошенников! — Папа даже симулирует участие. — Как оказалось, женщины Ежовых совершенно не умеют распоряжаться деньгами.

Это он о с трудом замятом нами уголовном деле, где фигурировала Злата Олеговна. Масштаб её участия в азартных играх впечатлил даже его. Ну или это его пошатнулось — ведь не всё отец знал сам.

— Лола владеет небольшой частью своих дивидендов, честно доставшихся ей по наследству. Мы к этим деньгам не имеем никакого отношения, — парирую заботу отца. — А то, что она сумела ловко уйти от нашей службы безопасности, говорит в пользу её умственных способностей. Может, там не так всё плохо.

На этих словах презрительный смешок не сдерживает уже Аркаша. Он искренне считает Лолиту дурёхой. Ни я, ни она не делились с ним подробностями плана, справедливо полагая, что чем меньше народу знает правду, тем лучше.

— Ты знаешь, где она! — вдруг взрывается отец.

— Без понятия, — отвечаю спокойно и выдерживаю взгляд отца. Потому что не вру. Сейчас Лолита путешествует по нашей бескрайней родине, запутывая следы, чтобы попасть туда, где мечтает оказаться. До финальной точки маршрута она не добралась: из Москвы уехала, а что там между — я не в курсе.

— Константин! — Раньше такой тон меня напрягал, теперь... безразличен. — Мне кажется, ты перестал понимать своё положение!

— М? Моё положение? А что с ним не так? — оказывается, если не строить из себя идеального сына, семейные вечера проходят куда занимательнее.

— Ты лишь исполнительный директор в нашей фирме. В любой момент я могу вышвырнуть тебя из этого кресла! — отец чувствует, что теряет контроль надо мной, и оттого бесится невероятно.

— Володя! — вклинивается в разговор дядя. — Прекрати этот цирк!

— Ну почему же? Пусть продолжает, — улыбаюсь мягко. Меня реально не цепляет ничего из происходящего. — Мне интересно в сотый раз послушать, как папа хвастается своими достижениями в компании, которая вот уже десять лет развивается отдельно от него.

— Щёнок! — рывкает папа.

— Костенька! — вторит ему мама.

Дядя лишь осуждающе качает головой, а тётя молча даёт знак обновить напитки. Лишь Аркаша тихо угораёт, пряча довольную рожу за бокалом вина. Не понимает, дурак, что моё место занимать придётся ему.

— Пап, умоляю, прекрати этот спектакль, — отодвигаю от себя тарелку и кладу приборы, подавая знак, что ужин для меня закончен. — Ты проводишь эти ежемесячные ужины, каждый раз подчёркиваешь свою значимость, требуешь от меня отчётов, но всё это — лишь тень былого величия. ЕНТесч вышла на такой масштаб деятельности, что ты физически не потянешь даже текущие задачи, не говоря о командировках в Китай, Благовещенск или Иркутск. Сместив меня, есть два варианта: назначить Аркашу...

— Э! — вскидывается брат. — Я беру самоотвод! Работы зама мне по самые яй...уши!

— Так вот, либо сажать Аркашу и помогать ему во всём, либо приглашать какого-нибудь менеджера со стороны. Ты не настолько поглупел, чтобы не понимать всю абсурдность обеих ситуаций, — говорю жёстко и безапелляционно, впервые применяя отцовскую науку против него самого. — Прими уже как данность, что ты на пенсии, и наслаждайся жизнью.

Молчу пару секунд, обводя тяжёлым взглядом семью.

Мать отводит взгляд, делая вид, что ей стыдно за нерадивого сына. Отец готов вскипеть, как тот старый чайник на кухне, — я даже слегка беспокоюсь о его здоровье. Впрочем, семейный врач уже давно живёт в доме на постоянной основе. Дядя смотрит на меня с одобрением, как и тётя, а Аркаша шокированно ловит челюсть.

— Благодарю за ужин! — В отличие от слов, тон мой не выражает никакой благодарности. В полной тишине встаю и выхожу из-за стола.

Буквально спустя пару минут меня нагоняет Аркаша.

— Э, Костян, с тобой всё в норме? — спрашивает, хлопая по плечу.

— А ты как думаешь? — отвечаю с изрядной ноткой иронии. Пар я выпустил, и даже стало немного легче. Конечно, надо найти в себе силы и поговорить со всеми один на один, но пока я не чувствую в себе этих сил.

После того как Ксюшин реабилитолог запретила мне посещения, силы у меня есть только на работу. Все эти семейные разборки утомляют меня невероятно. Не понимаю, что со мной произошло, но такое ощущение, будто разом спали шоры с глаз. Я оглянулся на своё прошлое, посмотрел на последствия — и стал другим. Вряд ли лучше, просто другим.

— Думаю, мы давненько не ездили с тобой в бар.

По голосу брата слышно, что он по-настоящему беспокоится за меня. Это не игра и не напускное.

— Так поехали! — предлагаю ему с широкой улыбкой.

— Чё, серьёзно? — удивляется брат. — А как же твоё безумное расписание?

— В моём расписании этот вечер всё равно потерян из-за семейного ужина, — хмыкаю.

Мы выходим из дома, и я с удовольствием вдыхаю свежий воздух. Огромный особняк на Рублёвке показался мне сегодня склепом — молчаливым памятником отцовских амбиций. Не спеша иду к парковке: там уже ждёт Мирон с заведённым автомобилем. Я так и не понял, как он это делает, но машина всегда готова к моему приходу.

— На твоей? — после долгого молчания спрашивает Аркаша.

— Ага, я с водителем — можно будет выпить спокойно, — отсылаюсь лениво. Усталость прошедших месяцев и отходняк от ссоры неожиданно всё-таки нагоняют меня. Хочется расслабиться.

— Ты же не любил раньше ездить с водителями на отдых? — уточняет брат.

— Водитель водителю рознь, — загадочно улыбаюсь.

Мой телефон вибрирует, и я тут же ныряю в него. Вчитываюсь в сухие строки: «Терапия идёт успешно, вес набирается, настроение хорошее». Следом прилетает несколько фотографий Ксюши — с реабилитации и с прогулки. Вожу пальцем по экрану, будто глажу её лицо.

Если для её счастья мне надо быть на расстоянии, значит, так и будет. Никто же не запрещал мне следить за её состоянием?

Разговор не клеится. Лишь выпив в нашем баре пару бокалов, Аркаша рискует и спрашивает меня напрямую:

— Кость, что произошло?

— Ты о чём? — Опять строю дурачка, но хочу, чтобы брат был максимально конкретен.

— Я знаю тебя всю жизнь, но последние месяцы не узнаю. Тебя будто подменили. Работашь в три раза больше — скоро на киборга станешь похож! Зато эмоционально будто другой человек! Как ты разговаривал сегодня с отцом? — В его голосе не возмущение, а восхищение. Аркаша папеньку моего терпеть не мог всю жизнь и обожал, когда его ставят на место. — Я представить себе такого никогда не мог. К Владлену не приезжаешь!

Кручу мысли в голове и решаюсь рассказать.

— Я просто выяснил, что мой отец режиссировал мою жизнь куда больше, чем мне казалось. Не гнушаясь подкупа, шантажа и уголовщины — лишь бы меня, как племенного быка, отправить на случку в нужный момент. — Всё-таки затаённая злоба мелькает в моём голосе. Принять такое отношение к себе сложно. — Правда, больше всего оказалось, что Владлен знал об этом. И я могу понять, почему он не вмешивался, но почему молчал — не могу. Даже... даже если отец в лучших традициях его шантажировал — не могу. Будь это, условно, ситуация с тобой, я бы рассказал в любом случае.

Не сдержавшись, делюсь самым большим осознанием.

Аркаша присвистывает от моего высказывания и залпом выпивает бокал виски.

— Подробности будут? — спрашивает треснувшим голосом.

И я на каком-то порыве вываливаю все отвратительные подробности. Сдерживаюсь лишь в описании своих переживаний, но, думаю, они и так понятны.

— Мне сложно в это поверить, — говорит в итоге Аркаша и опять глушит виски.

— Понимаешь, — говорит друг уже слегка заплетающимся языком, — мне всю жизнь казалось, что тебя абсолютно устраивают эти отношения с отцом. Как бы дядя Володя над тобой ни издевался, ты всё воспринимал едва ли не с улыбкой. Вот это снисходительное «папенька чудит»... Я и подумать не мог, что ты... ну вот... так...

Мы ещё какое-то время сидим. Внятного разговора уже не получается: каждый варится в своих переживаниях. Расходимся, когда Мирон почти силком уводит нас в машину. Засыпаю по дороге. А во сне люблюсь самой красивой девушкой в мире — Ксюшей, Ксенией, Ксенией Владимировной.

Ксения Владимировна, как мне тебя вернуть, а?

Репринтинг (реимпринтинг) — это психотерапевтическая техника, направленная на переработку и «перезапись» негативных импринтов — устойчивых психологических шаблонов, сформированных в результате значимого опыта, чаще всего в детстве.

Глава 7. Озарение

Возвращаюсь в свой кабинет после очередных переговоров. История с Ксюшей показала всю ненадёжность наших китайских партнёров. Когда меня слегка отпустило и я смог проанализировать произошедшее, то понял, что конкретно эти китайцы с знатной такой гнильцой. Почувствовав слабость партнёра, решили куснуть побольнее и тут же переобулись, когда поняли, что просчитались.

Сейчас нам крайне выгодно их партнёрство, но рано или поздно предпочтения, выторгованные после их косяка, закончатся, и мы вернёмся на исходную. Меня подобная ситуация совершенно не устраивает. Последние месяцы я мотаюсь в Китай при каждой удобной ситуации, разыскивая новые варианты сотрудничества.

Результаты меня радуют: почти по всем направлениям мы закрываем дыры. Заканчиваются одни контракты, а мы уже будем реализовывать следующие — просто с другими партнёрами. Я невероятно горд, что всё получается. Учитывая, что мало сменить одну компанию на другую, необходимо подстраховаться от тайного сотрудничества со стороны китайцев. У них часто компанией формально владеют одни, а по факту вся власть в руках совсем других людей. У семьи Ван огромное влияние на рынке инновационных технологий, но они далеко не монополисты. Подсидеть зазнавшихся соотечественников нашлась масса желающих. Моя личная служба безопасности пахала как негры на галерах, отрабатывая каждый рубль своей зарплаты.

А что поделать, если все результаты проверок официально СБ ЕНТесч приходится перепроверять? Да, я параноик. И да, я больше не доверяю Рогову.

Настолько погружаюсь в свои мысли, что даже не сразу понимаю, что вход в собственный кабинет мне преграждает секретарь.

— Что случилось? — спрашиваю, внимательно осматривая Кристину. Мало ли что тут произошло за три часа переговоров.

— Вас ожидают там, — удивляет меня ответом. В святая святых компании — кабинет директора — без моего разрешения попасть невероятно сложно. А чтобы в моё отсутствие Кристина сдалась и кому-то разрешила там ожидать, вариант тут только один.

— Отец? — обречённо уточняю.

— Владимир Анатольевич уже час там, — шепчет мне в ответ.

Будто боится, что отец услышит и вычитает её за непрофессионализм. Поначалу ему крайне не нравился мой выбор помощницы. Кристине доставалось за всё, но всё же я сумел её отстоять. Главным, самым главным достоинством этой чудесной, исполнительной, красивой девушки было полное отсутствие романтических чувств ко мне. Тяжёлая жизненная ситуация заставляла Кристину пахать как проклятую, а личная благодарность мне за высокооплачиваемую работу без бонусов в виде постели начальства делала её ещё и верным сотрудником. Найти такое комбо было невероятно сложно, потому я всегда отбивал Кристину от нападков великого Владимира Орлова.

Вот и сейчас я ободряюще улыбаюсь — видно, ей уже досталось. Отец терпеть не может ждать, а уж ждать меня — тем более.

— Сделай мне... — задумываюсь. Хочу кофе, но не ту противную горькую субстанцию, которую всю жизнь выбирал отец. Хочется чего-то вкусного. — А сделай-ка мне вот ту кофейную бурду, которую у вас в секретариате девочки пьют.

— Карамельный латте со взбитыми сливками? — переспрашивает Кристина, умело скрывая свой шок.

Улыбаюсь: да, Биг Босс впервые за все годы запросил сладенького. Я так привык следить за фигурой, слушать наставления отца, что на годы лишил себя даже каких-то банальных удовольствий. Сладкое — это ведь очень плохо.

— Ага, — улыбаюсь. — А папе завари этот китайский чай, что ему прописал нутрициолог.

Обмениваемся смеющимися взглядами и расходимся. Уверен, Кристина с радостью выполнит мою просьбу. Отец обожает крепкий чёрный кофе, но врачи ему его запретили ещё в том году. А семейный нутрициолог (где они с мамой его только отыскали) прописал ему жутко противный китайский чай для стабилизации кровообращения. При всей отвратительности вкуса чай, правда, помогал, заодно делая и так нелёгкий характер папеньки просто невыносимым.

Захожу в кабинет с лёгкой улыбкой. Как там: «Сделал гадость — на сердце радость»? Какая прекрасная мудрость.

— Добрый день, папа! — приветствую родителя весьма доброжелательно, хотя и предчувствую, что этот разговор мне не понравится.

— Добрым, сын, он был час назад! — оправдывает мои ожидания родитель. — Что можно так долго решать с китайцами?

— Утверждать проценты по контрактам и договариваться о конкретных сроках поставок, — отвечаю спокойно, крепко пожимая отцовскую руку.

Мы усаживаемся за журнальный столик. Отец, конечно же, уже облюбовал себе моё кресло, оставив мне лишь неудобный диван. Впрочем, мне разницы никакой.

За последние месяцы я будто переродился: мне совершенно нет дела, в какой позиции держать удар. А то, что отец подсознательно пытается занять более выгодное положение, говорит о его неуверенности. Либо, скорее даже, о слишком большой самоуверенности. Владимир Орлов не может не владеть ситуацией!

Молчим. Папа, очевидно, ждёт, что я проявлю вежливость и начну интересоваться семейными вопросами, но... я не хочу. Мне без разницы. Как им долгие годы было плевать на мои чувства, так и мне теперь безразлично.

Всё-таки Владимир Орлов — талантливый засранец. Хотел вырастить бездушного бизнесмена, справился с задачей на отлично. Вот только не готов он был, что собственное творение обернётся против него.

Напряжённую тишину нарушает лёгкий стук в дверь, а потом ровная дробь женских каблуков.

— Как вы просили! — вежливо улыбаясь, Кристина сервирует стол. Рядом с моим кофе оказывается маленькая тарелка с каким-то модным сейчас шоколадом, а перед отцом — батончики из отрубей и сухофруктов, тоже рекомендованные нутрициологом. Умница какая! Давлю улыбку, предательски расползающуюся по лицу, а вот отец, наоборот, мрачнеет.

— Кофе мне организуй! — командует, резким жестом отодвигая чай.

— Иди-иди! — отпускаю секретаря. — Тебе, папа, нельзя столько кофе. И ты прекрасно в курсе.

— А ты почему пьёшь? — тянет почти обиженно.

— А в этом сладком сиропе кофе-то почти и нет. Это во-первых, а во-вторых, я утром его не пил, — проглатываю «в-третьих», оставляя не высказанной шпильку про здоровье. Всё-таки я не настолько скот, чтобы палкой тыкать в больного человека.

Бодаемся взглядами минуту. Отец не сдаётся, попросту отодвигает свой чай и вольготно раскидывается в кресле.

— Мне в последнее время категорически не нравится твоё отношение к семье, сын, — наконец папенька переходит к сути своего визита.

— О чём ты? — тоже отпиваю свой напиток. М-м-м, как вкусно. Почему я раньше никогда не пил его?

— Что это было за представление на семейном ужине? Нахамил мне, расстроил мать, выставил нас какими-то самодурами. Как мы выглядели в глазах Владлена и Ольги? Какой

пример брату подаёшь? Мать потом на успокоительных всю ночь провела, не спала толком. — Видно, как отец сдерживает себя. Очевидно, до него всё-таки дошло, что орать и продавливать меня бесполезно. Решил манипулировать. Чувство вины и жалости — отличные механизмы для давления.

— Я не сделал ничего такого, — отвечаю спокойно.

— Как это не сделал? То есть заявить, что я деспот, отставший от жизни, — это нормально? Кичиться своим статусом в компании! Угрожать нам в конце концов! — ненадолго хватило его спокойствия.

— Пап, давай поговорим прямо, — устало выдыхаю я, не собираясь накалять градус беседы. — Всё, что я сказал, — правда. Ты не знаешь и сотой части процессов, происходящих в фирме. В своё время всю техническую часть тебе делал Ежов, после него — я. Любой наш менеджер среднего звена обведёт тебя вокруг пальца за две минуты. Ты не готов работать с новыми объёмами данных и реалиями.

— Так зачем нам такие менеджеры, что врут начальству? — рычит отец, а мне хочется закатыть глаза. Удивительно непробибаемая вера в собственную непогрешимость.

— Ты сам меня учил, что везде есть человеческий фактор. Вот это он. Гипотетический человеческий фактор, — продолжаю ровно отвечать. — Ты делаешь вид, что держишь меня в ежовых рукавицах исключительно для баюканья собственного эго. Уже давно весь твой ресурс для компании — это бывшее имя. Оно играет только при крупных госконтрактах. И то последние сделки показали, что, в общем-то, меня слышат не хуже. Я не говорю, что ты больше не нужен на встречах. Просто успокойся уже. Компания работает со мной и работает отлично. Перестань угрожать мне, будто я пацан пятнадцатилетний. И если в твоей голове сейчас зреет план устроить фирме подставу, а потом показательно меня спасти, потыкав, как котёнка, носом в наделанную лужу, отбрось его. Я не буду терпеть такое отношение. Просто уйду. И тогда тебе действительно придётся включиться в управление компанией, потому что кто бы ни пришёл на моё место, в одиночку не вывезет.

Последняя фраза звучит слегка по-снобски, но это правда. Я отлично понимаю, что мой функционал сейчас просто огромен. С заключением новых контрактов мне очень пригодился зам, который, кстати, тоже не штаны просиживает, а носится, будто муравьями покусанный.

— И куда пойдёшь? — рычит отец.

— Куда угодно. С моим опытом оторвут с руками. Или открою что-нибудь своё. Да, не такое масштабное, зато никто не будет поучать меня по делу и без, — отвечаю честно, и эта честность отца ломает.

Я вижу, как в его глазах рушится стена уверенности. Вера в возможность манипулировать мной. Да, я не влюблённый восемнадцатилетний пацан, что искренне верил папе. Принимал его слова за истину. Не относился к его наставлениям скептически. Доверял. Любил.

— За что ты так со мной, сын? — спрашивает подрагивающим голосом. Нервно растирая подбородок.

А я будто заново вижу своего отца. Изо всех сил молодящийся, он откровенно сдавал. Годы борьбы за бизнес, не всегда успешной, сопряжённой с риском, не прошли даром. Весь образ держится лишь на работе профессионалов. Овал лица и аккуратные морщинки — спасибо косметологам. Идеальная причёска — заслуга лучшего барбершопа. Волосы подкрашиваются, получают уход и стильную укладку. И это не карикатурная покраска увядающего Казановы. Это кропотливая работа мастера: местами специально оставлена седина, чтобы показать натуральность образа, — идеально уложенные локоны, переливы от светлого к тёмному.

Пристальный взгляд так похожих на мои глаз внимательно следит за моей реакцией. Чего он ждёт? Что я буду каяться и извиняться?

— Как так? — уточняю наконец.

— Будто я... мы с мамой чужие тебе? — здесь я уже не сдерживаю смех.

— А разве это не так? — спрашиваю, отсмеявшись.

— О чём ты? Конечно, ты наш сын! Что за вопросы? — недоумевает отец.

— По крови, возможно, но я никогда не ощущал этого. После смерти Толика те крохи любви, что перепадали мне в детстве, свернулись. Сколько мне было? Шесть? А ему? Восемнадцать? За каждым ужином его хвалили, шутили, смеялись, а я был на няньке. Тогда не понимал, но ведь ни ты, ни мать даже перед сном не заходили меня поцеловать, хотя я был малышом! И вот в мои шесть ты решил, что должен вырастить свою смену, а мама и не пыталась спорить. Её любимец умер, а я лишь мешал ей страдать. У меня забрали те немногие крохи тепла, что были до этого! Сколько раз в год я видел маму? Три? Четыре? На дни рождения и Новый год! Зато ты был рядом. Ментор, а не отец. «Не плачь, не говори, не ошибайся. Думай, делай, будь первым!» — сам удивляюсь, насколько холодно и спокойно звучат мои слова. Наверное, если бы я смог сознаться в этом себе лет пятнадцать назад, у меня была бы настоящая истерика. Сейчас я просто позволяю себе ехидство.

Больно ли мне? Конечно! Я не тот робот, которого из меня лепили. У меня есть чувства! И я имею на них право — ровно такое же, как и на то, чтобы не показывать их.

— Ты всё утрируешь! — взрывается отец. — Маша уже показала, что неспособна вырастить нормального мужика, только тряпку и мажора, который не способен думать головой! А я вот думал! Думал о будущем. Видишь, не прогадал! Из тебя получился отличный управленец!

Ну конечно же! Сам себя не похвалишь — никто не похвалит! Это просто лозунг папеньки.

— А что ты хотел от мамы? Толя был твоим сыном ровно так же, как и я? Вот только, увлечённый построением своей компании, ты скинул воспитание его на мать. Сколько ей было? Восемнадцать? Девятнадцать? Сама была ребёнком. Ты, наверняка, весь был в бизнесе и вниманием её не баловал. Вот она и утонула в сыне, — говорю то, что давно режет язык. — Да и ты сам. Ты ведь никогда не делал матери замечаний о воспитании Толи? Молча оплачивал его гулянки, вытаскивал из ментовки, прикрывал задницу и в неё же целовал. Вот первого сына вы любили, а я даже в детстве для вас был как... ммм... лишний элемент. Обо мне вспомнили, лишь когда наследника потеряли. Не удивлюсь, если я был не «спланированным ребёнком, потому что возраст шёл», а банальным залётом.

По удивлённо расширившимся на миг глазам отца понимаю, что попал в точку. Вот оно как. Из горла вырывается горький смешок. Секрет-то был Полишинеля. Почему не думал об этом раньше? Подсознательно боялся оказаться правым? Не хватало смелости об этом подумать? Или банально хотелось оставить хоть какую-то крупницу собственной значимости в этой семье — как человека, а не инструмента.

— Как я раньше не догадался? Удобно: над нелюбимым сыном можно издеваться. Его чувства можно не учитывать. Это первенец был рождён в той самой любви, от которой вы сгорали в молодости. Хотя я уже и в это не верю. Мама... Возможно, она тебя и любила, а ты, скорее, женился на связях, ловко манипулируя чувствами молоденькой девушки, — продолжаю препарировать собственные мысли и родительские отношения.

— Не смей! — стучит кулаком по столу, отчего тот страдальчески скрипит. — Не смей говорить о том, чего не знаешь. Я всегда любил Машу!

— Что не мешало тебе развлекаться по саунам с бизнес-партнёрами? — ухмыляюсь. — Или ты думал, что в свои двенадцать я не понимал, почему мы ночуем в «гостиничных комплексах»?

— Ты не понимаешь! — отец отводит взгляд. — После смерти Толика Маша... Она сломалась, а я — мужик! Просто мужик, который имеет право на собственные эмоции и слабости.

— Поэтому ты решил лишить их меня? Вырастив отличного быка-осеменителя для спланированного брака? — говорю, а внутренности сводит. От слов отца про эмоции и слабости невероятно больно.

Двуличный мудак ведь! Ему можно слабости, а мне оставил лишь проверенных эскортниц, тщательно отбираемых его верным псом — Роговым. На секунду эмоции накрывают меня. Я ведь только недавно понял, что банально влюбился в Ксюшу, а допустил всё произошедшее, потому что не узнал и не понял это чувство. Я будто семнадцатилетний школьник в теле взрослого мужика. Мне первый раз понравилась девушка, а что делать — я не знаю.

Меня ведь сознательно лишили этого опыта.

— Не передёргивай! — огрызается папа.

— Да? Ну тогда объясни мне, почему ты лишил меня возможности завести здоровые отношения? Почему любая понравившаяся мне девушка либо исчезала из поля зрения, либо оказывалась продажной тварью? — Очень хочу услышать его ответ.

— Потому что я растил тебя не ради продажных шкур! У каждой бабы есть своя цена! Кто-то был понятливее, кто-то поупрямее, но все видели в тебе лишь кошелёк! А мне нужны нормальные внуки! Наследники! — отец внезапно успокаивается и буднично рассуждает. — Я не мог позволить тебе размениваться на всяких шкур. Да и что тебя не устраивает? Отличные профессионалки! Отработали, деньги получили и ушли. Всё честно! Потом заведёшь выгодную для нас семью с приличной девочкой и будешь их дальше оплачивать. Дом для бизнеса, а девочки — для удовольствия. Всё логично.

Меня передёргивает от омерзения, но я хочу получить всё же ответ на последний вопрос.

— А как же та самая любовь? Ты же вот любил маму? Почему мне нельзя было влюбиться? — спрашиваю с замиранием сердца, ожидая ответ.

— А зачем? — недоумевает отец. — Тебе-то зачем эти бессмысленные чувства? Я не для того столько сил в тебя вбухал, чтобы ты сопли жевал да мозги терял. Пользы от этого никакой, одни убытки.

Он говорит это так холодно и спокойно, будто я какой-то человек второго сорта. Функция для успеха его компании. Удачный проект.

— Что ж... Я тебя слышал, — говорю, справившись с первым приступом ярости. — Любовь, действительно, лишнее чувство для меня. К родителям — в том числе.

Отец удивлённо подхватывается, наклоняясь вперёд и намереваясь вновь поделиться своим ценным мнением со мной, но я не даю такого шанса.

— Я тебя не задерживаю. У меня через десять минут очередная встреча, и, надеюсь, к моему возвращению тебя тут не будет. Впредь предупреждай о своих визитах и не жди меня на семейных ужинах. Не вижу смысла нам общаться вне рабочих компетенций. Всего доброго, па-па.

Последнее слово получается крайне издевательским, выдавая мою внутреннюю боль.

Резко встаю и молча покидаю собственный кабинет. Впереди встреча, а мне надо успокоиться. Меня зацепило неожиданно больно. Наверное, получить столь откровенное признание в нелюбви родителей больно в любом возрасте. Знать — это одно. А вот так... прямо и в лоб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.